

18+

Лука

# МОМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

Лука

**Моменты времени**

«Издательские решения»

## Лука

Моменты времени / Лука — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980545-4

«Моменты времени» отражают разные события во Вселенной, происходящие совершенно в разных местах и разных измерениях, но в одно и то же время. Это может показаться странным, что одно время измеряется по-разному, но этим сборник и интересен — время, состоящее из тысяч секунд, приоткрывает завесу пространства и показывает, что может случиться в параллельных вселенных.

ISBN 978-5-44-980545-4

© Лука  
© Издательские решения

## Содержание

Плавки с крокодильчиками	6
Босс Одис	11
Пожар	20
Последний вздох	21
Из Англии в Калифорнию	23
Криминальная Франция	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Моменты времени

## Лука

*Редактор* Наталья Филимонова

*Корректор* Сергей Барханов

*Дизайнер обложки* Мария Бангерт

© Лука, 2020

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0545-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Плавки с крокодильчиками

Единственная из нас, кто не палится, так это Мэйби-Бэйби. Не знаю, какой ниндзя её учил, но хочу так же: нацепила очки от солнца и разлеглась вальяжно в кресле около окна. И никто на неё внимания не обращает.

Такая тактика не работает, видимо, только у меня. Потому что Валера тоже не палится. Или это просто бабки слепые, или у них детектор наркоманов работает исправно, но сбоят только на Мэйклаве. Потому что даже он с котом на руках выглядит естественно в этом автобусе, а я с рюкзаком – нет.

Положи перед носом – не заметят. И только я решил переодеться во что-то менее заметное, чем нет-это-не-пижама-крокодила, как все взгляды обращены на меня, будто я и впрямь в этой пижаме.

Я не знаю, как работает этот мир, но хочу себе такого же ниндзя, как и у моих друзей, потому что они что-то темнят. Или это просто я своего ниндзя не вижу и он сейчас пользуется перспективой одиночества у холодильника в моём доме?

Но стоит мне спросить у всех насчёт ниндзя, как они все тактично интересуются, не употреблял ли я, а потом напоминают, что в салоне курить, вообще-то, нельзя.

Что это за правило такое? *Нельзя курить?!*

Нет, я могу без палева на заднем месте нарушить это правило, так что даже Валерка рядом со мной ничего не заподозрит. Но сидящие впереди люди более зрелого возраста то и дело оглядываются, будто я уже закурил.

Люди более зрелого возраста. Какой чёрт дёрнул всю нашу шайку поехать со всеми в автобусе, когда можно было добраться в одиночку. Все шикают, что это дороговато, но я знаю, что они темнят.

И смеркается снаружи. Отвоевав у Валеры путём игры в «камень – ножницы – бумага» окно, я теперь могу с грустью дышать на стекло. А потом изрисовывать поверхность и, толкая Валерыча в бок, слетать с сиденья в приступе хохота. Ехать больше суток, и это было единственное развлечение в первые часы.

А потом и ржать стало скучно, и Мэйк решил разыграть Кисёша-Писёша в карты. Видите ли, ему надоело – «и вообще это неприятно» – сидеть с котом, выпускающим тебе в штанину когти.

Играть в карты в автобусе по-особенному интересно. Сидишь носом в экран телефона и обкидываешь других виртуальными козырями. Решили сыграть шесть партий и проигравшему отдать кота.

Мэйби кидает нам жалобы о рабстве, а мы в ответ возвращаем правление крепостного права. Или что-то такое.

Валерыч выходил из каждой партии победителем. Зараза. Но мы с Мэйклавом тоже не отставали и к концу шестой партии двигались на ничью.

А потом плюнули и впёрли Писёша Мэйби, признавшись, что Древняя Русь возвращаться не хочет.

И на первой остановке, под осуждающие взгляды людей более зрелого возраста, мы с Мэйком зажали за туалетом пачку сигарет и, честно стараясь не заржать от последних событий, качались под рэп. Бабки и деды за стеной туалета сквозь зубы, наверное, проклинали нас. А нам было хорошо.

А потом оказалось, что можно было не ныкаться и покурить вблизи автобуса. Но в чём тогда соль? Неинтересно же.

И тогда же мы узнали, что во время наших партий Валерыч мухлевал. И мы впёрли Кисёша нашему горе-диджею до следующей остановки. Потому что подглядывать в отражающиеся в окнах экраны телефонов может только Валера.

А потом мы подумали и, удвоив наказание Валерыча, заставили везти Кисёша на своих коленях до самой конечки. А она будет на следующий день. Пожелав Валерке удачи и дав ему шлейку, отправили гулять с котом, в глубине души надеясь, что в кусты грохнутся оба.

В автобусе по телику крутили допотопный юмористический фильм, сделанный в России. Люди на передних сиденьях тихонько хихикали. Потом пытались включить «Зе Авенджерс», как гласила надпись, но фильм был плохого качества, и вообще водитель вспомнил, что он патриот, и лицо рыжей Наташки сменилось юмористической комедией, сделанной, конечно, в России. Включил бы «Защитников», чё стесняться.

Но захватить телевизор у меня не получилось бы, поэтому вместо серьёзного русского боевика пришлось смотреть серьёзные русские виды. Моя юность медленно утекает, а я пялюсь в окно. Зато не в телевизор, в котором, по звукам, и впрямь включили «Защитников», где в конце побеждает дружба. Из-за этого в голове возникли образы Крисов, смеющихся над тем, что Россия забазарилась на святых «Мстителей». Эванс и Хемсворт описывали моё состояние в ту секунду, когда осознание пародии вдарило в голову, и на этот момент я сделал их своими тотемными людьми. Потому что, как мне кажется, тотемное животное всей нашей группы — сидящий на коленях Валеры Кисёш-Писёш.

Только, правда, мы не ходим в тапки Мэйка.

Это даже лучше.

Как-то раз Мэйклав, не выдержав, тыкнул Кисёша носом в тапки, и потом у них завязалась баталия. Видео данного момента находится у всех наших на телефонах, и только у меня оно называется версус-батлом, где они оба орут на кошачьем. И, чёрт, в тот момент они показались самыми музыкальными, потому что только они умудрились слово из трёх букв растягивать больше часа.

И после этого момента Мэйклав превратился в моих глазах в кота, а в телефоне я его переименовал и стал прятать свою обувь.

А так, в целом всё нормально.

После многочасовой поездки и выкуривания всей пачки, разбавляемых анекдотами и более громким, чем у всех, смехом нашего зачётного водителя, мы соизволили занять свои комнаты. Нас было четверо, а мест в одном номере было три. Я уже хотел было заселиться отдельно, но стоило вспомнить, что за курение в комнатах без слов выселяют, и решительность быстро пропала. Жить на коврике под дверью не хотелось. И Мэйби с воодушевлением забрала комнату себе. И мы всей оравой под морось стали таскать сумки нашей девушки. После этого во вторую комнату заходить было страшно.

А потом мы решились зайти в свой номер. И лучше бы мы это второй раз не делали, потому что мне пришла мысль повеситься. Хотя куда тут петлю вешать? И для петли места нет.

Мы с пацанами посмотрели на выход. Вновь оглядели комнату, и я, с мыслью потом прибить крючок, занял первую попавшуюся кровать. Не скрипит, и то кайф. Допотопные условия. Постельного белья нет, живи в шатрах — умывайся бисером, но только укрывайся выданным пледом. И на том спасибо. Хоть не замёрзну.

А потом Мэйби принесла купленное постельное бельё, и жизнь вроде как начала налаживаться. Кисёша она забрала себе, отчего Мэйклав на радостях чмокнул её в щёку, как какой-то бойчик. Я позвал его в курилку напротив корпуса, но из-за мороси нас категорически не пустил Валеркин. Потому что наша Бэйби ушла разбирать вещи, а диджейкину будет скучно. Так хотя бы с кем-то поугорать можно.

Заходить к Мэйби было по-прежнему страшно, и мы, разыграв «камень — ножницы — бумага», двинулись в путь — я впереди, а Валеркин с Мэйком позади, выглядывая из-за двери.

Дождь вроде прошёл, можно сгонять ноги помочить, только не в лужах, а в море. Отдыхать же приехали, и не зайти в воду грех. Ну, так мы думали до окончания этого дня.

Потому что море, вроде тёплое, обмануло: не успев зайти в воду, мы затряслись от ветра и холода. Да и потом ещё дождь пошёл, и мы отжигали настоящими картами до самого ужина. Потому что наши телефоны в порядке очереди ждали своей зарядки, а розетка в комнате была одна. Даже на портативки после автобуса нельзя было полагаться.

Правда, стоит отдать должное, за полдня нахождения в этом месте поесть успели только один раз, но неплохо. Если растолстею, то счастливо это сделаю, а не с болями от доширака.

И это единственное, что я могу сделать счастливо. Ну, блеск в глазах тоже говорит о себе, стоит мне два козыря положить на плечи Мэйклава.

Небольшие коридорчики между корпусами и дверьми комнат напоминают тёмные кварталы до того момента, пока не включишь одну-единственную лампочку на все пять метров. Ревизорро бы не одобрила. Но фишка в том, что эту лампочку для начала надо найти, и из-за этого приходится вкалывать в тёмных кварталах, будто бы ты янтарь ищешь.

А ты и вправду потом получаешь янтарь.

Мэйк говорит, что я debil, и свет, на минуточку, оранжевый.

Вот приехали. Поезд детства ломает. В курилку больше не зову.

На десять минут курилку просто затягивает дымом, и видны только силуэты. А нам ничего не скажут, потому что табу на курение в курилке вообще нет.

Сидящий около деревянного строения зожник Валерыч, приперев гитару, грустно на ней бренькает. Эмо-рокстар просто, прямиком из дветьшиседьмого. Если ща Мэйк запоёт, то я тоже почувствую себя дветьшиседьмым.

Мэйклава я простил. Но теперь у меня появилась актуальная до конца отпуска угроза. Не, она и потом будет актуальной, но сейчас в разы больше. Во.

К Мэйби заходить стало более-менее спокойно. Но пацаны стараются, и снова бойчики. Говорят, переодевается там, пока Кисёш у нас в комнате ошивается.

Мэйк дал дёру. Если Писёш у нас, то тапки смело можно выкидывать. Валерыч начинает ржать, а потом кашлять.

А я – дым в потолок. В рай меня не пустят от этого, но и ладно. С Валерой тоже нормально.

На следующий день отряд «Трудовых пчёл» заметно пополняется, и в тёмных кварталах активно плывёт работа. Ладно, активом это нельзя было сказать, потому что один в поле не воин.

И чем я думал за минуту до? Если бы я не угорал как не знаю кто, работать не отправили бы.

Злой крокодил с веником по щиколотку в воде без костюма – природный монумент. Экспонат музея.

Спасибо, что швабру не дали. Веником воду буду мести, ага.

Наши тёмные кварталы оказались быстро затопляемые. И не в том плане, что много людей – нет, их тут тоже достаточно, – а всё оттого, что все лужи сбегают к нам. И мы, деревенские, ходим потом по тем лужам в стельку офигевшие.

Не, пить тут, конечно, можно, но мы все за ЗОЖ. Или нам просто делать нефиг, чтобы пить.

А мне что, тоже, получается, делать нефиг, раз я тут работаю?

Приглашаю выглядывающего из-за двери Мэйка поплавать. Он крутит пальцем у виска, и из глубин комнаты Мэйби решает напомнить мне о первой попытке.

Да я что, знал о том, что вода холодная? И вообще, лужа вон тёплая вроде. Не нравится – неси кипятыльник.

Валерыч призывно ржёт за стенкой. Я кидаю в него обидное «в курилку больше не зову» и продолжаю гонять воду метёлкой, которая, по виду, побывала в соседнем за углом унитаза.

Но в курилку парней всё равно зову. Точнее, зову Мэйка, а Валера специально ради нас туда ходит. Там мы и забиваемся, что бегать по утрам – проще пареной репы. Валерыч темнит, что это не репа, а я и Мэйк всё равно прёмся на пляж.

Потому что бегать по пляжу – интересное занятие.

Ровно до той поры, пока я не запнулся о водоросли и не укатил на песок, а Мэйк опустился через пару метров на лежак.

Да ну, как-то не комильфо. Мэйклав сипит о бросании курить, я в ответ только мычу, и по возвращении на базу запираемся в курилку.

Надо же эмоциональное состояние наладить.

А то чё-т снова не комильфо.

Мимо нас продефилировала Мэйби в топике. Мы спросили, что за топ-модель по-френдзоновски, и она, кивнув в сторону душевой, заставила нас подорваться с места.

Ждать пришлось долго. Рак на горе в такой момент просвистел раз триста. Или это просто Мэйк от скуки ловит.

Даже несмотря на то, что душ разделён на мужской и женский, Мэйби прошла мимо нас, источая цветочные ароматы, а мужские кабинки всё ещё не освобожились. Мимо нас дважды пробежал Валеркин, на третий раз он просёк фишку ниндзя и уселся ждать с нами.

На освободившуюся кабинку на «камень – ножницы – бумага» решили не спорить. Я бы предложил пустить того, кто выше, но, вспомнив о несуществующей разнице, пропустил нашего зожника.

Потому что кто первый идёт, того Посейдон утаскивает.

Вообще тупо, но единственная интересная вещь.

Ладно. На самом деле Валерыча жалко, потому что в подводном мире ему не дадут отдыхать. И постоянно будут просить новые дискачи. Поэтому, как только дверь душевой открылась, я ворвался защищать и отвоёвывать честь и достоинства верного друга.

А потом всё как-то само, и горячая вода оказалась слишком шикарной, поэтому стоящий за стенкой Валерыч может подождать.

Ну, он и подождал. А Мэйклав – нет. С возмущённым вопросом об освобождении кабинки он ворвался в душевую. Я через занавеску поинтересовался у него о желании скрасить мои расслабляющие будни. Но, увы, откликнулся на это смелое предложение только Валера.

Вечером Мэйклав не пошёл со мной в курилку. И Валера меня тоже бросил. Поэтому я освещал свои курительные минуты гуляющей неподалёку Мэйби с Кисёшом. Радостно сообщив мне о завтрашнем солнце, стоя под зонтиком, и взяв клятву пойти на пляж, она пообещала заскочить к нам с чайником.

Но в конце оказалось, что чайников было два. И в том, что Мэйби сможет обокрасть магазин чайников, никто не сомневался.

Мокрый Кисёш уместился на ногах Мэйка, и тот, вытворяя с ним всякую шнягу, крушил шерсть полотенцем. Я вытворял всякую шнягу с картами, вновь и вновь тасуя их и обкидывая мелкими Мэйби. Валерыч давно уже вышел из партии, а мы с Мальвиной всё никак не могли определиться, за кем будет выигрыш.

Валеркин постоянно шутил, что нам наконец пора рожать. В конце концов мы отправили его мести лужи на улице. Он вернулся спустя пару махов и с прискорбным видом плюхнулся на кровать, твердя о скукоте на улице. Тёмные кварталы уже не те, и «ваще тусуй, тебя Бэйби слила, фу, хватка не та, скоро и катки перестанешь выигрывать».

Я даю ему пиковой дамой по лбу, и мы продолжаем нашу пижамную вечеринку, в которой Кисёш каждого по очереди обтирал и просился на руки.

Хоть он и Писёш, но мы его любим. Даже Мэйклав.

В этом мире ещё не всё потеряно.

На моих плавках крокодильчики, все вокруг меня ржут, а мне нормально. Чего стесняться-то? Я внутри крокодильчик, и пусть все знают.

Сегодня солнце, и я решил выйти в своём костюме-не-пижаме.

И я, видимо, с этим приобрёл боевой окрас невидимки. И даже у бабушек детектор наркоманов стал сбоить и на мне, и я теперь в команде не палева.

Все орут, что я спалю их контору, а моя месть страшна ровно до той поры, пока кто-то не кричит о хомячках.

Я приду и сожру все твои запасы ночью. Правда, придётся взломать столовую, но всё равно сожру все твои запасы.

Потому что хомячков надо бояться.

## Босс Одис

Единственное, что отличает нас, – разные стороны баррикады. Все знают, что мир условно делится на две части: обычные люди и мы. О нас не говорят, но мы существуем в книгах, в фильмах. Наша территория является чем-то фантастическим для людей, они любят это, а некоторые даже желают оказаться на ней, полностью отдавшись законам нашей Вселенной.

Но это так смешно – наблюдать за ними. Их попытки оказаться в самом эпицентре являются лучшим сериалом для моих вечеров, ведь каждый день новые попытки. У кого-то получается, а у кого-то и нет. Но они приходят снова и снова, упираются в свои желания и, может, всё-таки станут одними из нас.

– А ты уверен... – медленно смакую каждое слово, что остаётся в моём сердце приятной дрожью.

Человек напротив не дрожит, но я вижу его напряжение. Он сжат, опущены его плечи, а взгляд направлен прямо мне в душу. Очередной желающий оказаться по другую сторону, прийти в наш дом, стать частью бригады.

– ...что достоин стать одним из нас?

Я не запомню его, если он уйдёт. Я не помню всех тех, кто ушёл из моего кабинета, если они не решаются вернуться для второго шанса. Тогда в моей голове остаются смутные воспоминания, но факт – я не выкину их из головы и буду знать, что они вернутся снова. Каждый, кто приходит второй раз, приходит и в третий. И если на третий раз они не пробьются, они либо оставят попытки, либо будут идти дальше.

А мне нужны упорные люди. И, может, поэтому я и возьму их к себе. Это жестоко, я знаю, но без этого никак не получится пробиться в этом мире. Сложно, но возможно.

– Я знаю это!

Все люди, которые сидели напротив меня в кожаном кресле, самоуверенны. Они уверены в своих силах, в своих амбициях. Мне это нравится в них, но опять же – они могут и не попасть. И это обидно.

Я хватаю стакан холодной тёмной жидкости. На дне кусочки льда бьются друг о друга, и мы оба слышим это. В кабинете нет никого, кроме нас. Это играет мне на руку, но человек напротив, видимо, чувствует себя не в своей тарелке. Я улыбаюсь.

Все люди думают, что со мной ходит куча охраны. Это так, потому что каждая жизнь в этом доме на волоске. А моя особенно важна. На меня ведут охоту многие, а за моей бригадой пытаются следить круглые сутки. Я делаю первый глоток, обжигающий горло, но продолжаю смотреть на него.

– И почему же?

Мой кот на коленях слабо мяукает, смотрит мне прямо в глаза. Мы друг друга недолюбливаем, но должны работать в одной команде. Для меня это так смешно, что я не могу воспринимать наш дуэт всерьёз.

Наш дом – опасное место. Два этажа крови и профессиональных убийц. Каждый, кто приходит сюда, уже не может уйти отсюда, ведь законы нашего мира просты: кто не с нами, тот против нас. Они знают слишком много, поэтому мы их не отпускаем. Поэтому надо подумать, прежде чем мечтать о мафии.

Мы не ездим по миру, но уже дважды за последнее время переехали. Мы орудуем внутри нашего города – у нас много незаконченных дел, много бумаг. Хоть мы и не любим нарываться, стараемся делать всё максимально осторожно – всё равно без крови не обходится. Одно из наших преимуществ – никто не знает, кто из бригады пойдёт следующим, мы меняем команды местами как можно чаще, нападаем тогда, когда никто не ждёт. Сидим в засаде, играем под прикрытием. Мой дом полон профессионалов.

Человек напротив не знает, что сказать мне. Я понимаю, что наша аудиенция подошла к концу, и я хочу вызвать свою охрану, стоящую за дверью. Да, это непрофессионально – оставаться наедине неизвестно с кем без поддержки, но я иногда люблю играть с огнём. Иногда я будто пьянею от того, что творится вокруг.

Кот спрыгивает с моих ног на пол, поцарапав мой палец своими когтями. Мне хочется его пнуть под столом, но так нельзя, поэтому я просто сжимаю руку в кулак, ставя стакан на стол.

– Я думаю, наш разговор подошёл к концу.

Он кивает, опускает голову и ещё ниже опускает свои плечи. Я жду, когда он встанет и уйдёт, но этого пока не происходит.

– Я отличный шпион, – произносит он под конец.

Я мотаю головой, не глядя на него. Он быстро поднимается с места и выходит, закрыв дверь за собой даже без скрипа.

В следующий раз я уже точно могу сказать, что я его видел. У него были тёмные волосы, мы были с ним почти одинакового роста. Увидев его из окна моего кабинета, я припомнил все детали нашего разговора, болтая в стакане ту же тёмно-холодную жидкость. Он приехал на своей машине, оставив её за высокими воротами нашего дома, – двери открылись, но он прошёл к входу пешком, находясь на прицеле у охраны. Он шёл быстро и уверенно, и, когда он скрылся из поля моего зрения, мой телефон зазвонил.

Я не помню, как он был одет в прошлый раз, но в тот момент он был в футболке и джинсах. Я оглядел его быстрым взглядом и, не садясь в своё кресло, сделал маленький глоток из стакана.

– Шпион, говоришь?

Он смело кивает, так же оставаясь стоять на месте, за спинкой кожаного кресла для посетителей. Кот развалился на подлокотнике и, кажется, так же заинтересованно поглядывал на него своими светлыми глазами.

– И откуда ты такой?

Он обходит кресло и смело садится в него, смотря на меня проницательным и просящим взглядом. Я кусаю губы, опускаясь в своё кресло и придвигаясь ближе.

– Из тыла врага, – произносит он, видимо ни разу не стесняясь этого.

Я немного напрягся, сложив руки на столе.

– Меня выкинули оттуда, я выжил. Я знаю их планы и расположение главных зданий, мои знания могут помочь вам.

Он эмоционально ударяет кулаком по своей ладони, и мои брови взметаются вверх. У нас много врагов.

– Из-за чего тебя выгнали?

– Я стал им ненужным.

Выбор на миллион. Здесь что-то не так, я чувствовал это. Я осмотрел его ещё раз, тихонько вздохнул.

– Меня удивляет, что ты выжил. Откуда ты?

Он хватается руками за подлокотник, пододвигаясь чуть вперёд.

– Если вы сомневаетесь во мне, то я скажу: я не подведу вас. Если вы не возьмёте меня, вы не сможете пробраться к нему.

Кот мяукает у меня под рукой, спрыгивая ко мне на колени. Теперь он тоже смотрит на этого парня, чуть наклонив свою голову набок. Я задумчиво стучу пальцами по столу и, переведя взгляд на дверь за спиной шпиона, вздыхаю, опуская голову. Есть вероятность, что я совершаю ошибку. И она большая. Довериться этому парню, которого вижу впервые в жизни и который тем более был раньше шпионом моего врага, – верх безбашенности, неуважения к своей бригаде.

Я махаю рукой, переводя взгляд на него. Всё же я тут главный, и хоть это, безусловно, опасный шаг в моей жизни, я ничего поделывать не могу. Этот парнишка прав. Если мы потеряем его, мы потеряем возможность расправиться с нашим врагом, выполнив очередной пункт в нашем огромном списке.

Настораживает только одно. Он до сих пор не сказал, откуда он. Я буду за ним пристально следить и, если этому суждено быть, без раздумья пушу в него пулю посреди нашего коридора.

Капо откликается на погоняло Фубар. Он стоит одновременно на третьем и втором уровнях нашей семьи и, имея должность заместителя, находится со мной постоянно. Капитан отряда солдат отлично справляется со своей должностью и, имея плотный контакт со мной, знает все мои мысли и переживания. Как мой заместитель, он также может принимать решения, согласовывая их со мной. Вообще Фубар является самым доверенным лицом в нашей большой семье. Я волнуюсь за него, поэтому не решаюсь называть его по имени при большом количестве народа. Он помогает мне постоянно во всём, и я был вправе называть его не только заместителем, но и братом.

– Соучастник? Если ты ему не доверяешь, я не возьму его в солдаты.

Он стоит в моём кабинете во всём вооружении, скрестив руки на груди. Каждый в нашем доме носит оружие. Это мера безопасности нашей семьи, мы все тут на мушке и должны следить за каждым своим шагом, постоянно оглядываться.

– Я ему не доверяю, – легко соглашаюсь я. Я смотрю на далёкий лес в окно, задумавшись о том, что случилось пару часов назад. – Я не хотел его брать, но... Он знает многое, и это может сыграть нам на руку.

– Я поговорю с другими капо, скажу им быть начеку.

Я оборачиваюсь, смотрю на Фубара. Тот держит руки в карманах военных штанов, грязных от плохой погоды на улице, весь измазанный. Он только что со своей командой вернулся домой с очередной вылазки на разведку тех территорий, которые нам дал тот парнишка. Я киваю на его слова, но не отпускаю его, подняв руку.

– Я могу переговорить с другими, но они, видимо, сами всё поняли.

– Я хочу, чтобы ты взял его в солдаты. Именно к себе, так он будет под присмотром, и я буду более-менее спокоен.

Фубар кивает. Теперь у меня язык не повернётся назвать его по имени в этом доме. Надо быть осторожным.

– Да, босс.

Началась опасная игра.

– Попроси ещё называть всех по прозвищу. – Капореджиме кивает, я кусаю губы. – Как там советник?

– С ней всё нормально. Она сказала, что провела собрание с остальными, мы пересеклись с ней, когда я поднимался к тебе.

– Да, это я её попросил. Спасибо тебе, можешь идти отдыхать. И да, не показывай советника на глаза лишней раз, прошу тебя.

Фубар кивает головой и, отмирая с места, уходит из кабинета. Я слышу его тяжёлые шаги и, когда за ним закрылась дверь, вздыхаю. Да, это самая опасная игра, в которую ввязалась наша семья. Насмерть. На смерть всех тех, кто живёт под крышей.

Быть боссом выматывало. До боли в голове, до неприятных уколов в сердце, когда принимаешь опасные для всех решения. Но никто не может что-либо тебе сказать, потому что схема таких семей, как наша, отличается от всех существующих. У нас глава я. Единственный, но со своими помощниками. Моя семья не так известна, но мы всё же имеем определённое влияние в этом мире. У каждого из нас есть тёмное прошлое, с которым мы не боремся, а принимаем как есть, поддерживая друг друга, хоть и ходим с оружием наперевес по всему дому.

Мера предосторожности. Крайняя. Но у нас не доходило до убийства друг друга, никто даже не дрался между собой.

Семья постоянно занята своими делами. Один только Фубар несколько раз на дню может уйти в разведку, а иногда его и не видно целыми днями. Я понимаю, что дело опасное, но волнуясь не меньше советника за него. Она тоже не из числа свободных – её тоже почти нет в доме, и это, пожалуй, единственный раз, когда я рад этому. За пределами дома у них не так много шансов на смерть. Я приставил к каждому ещё и охрану, и, не видя родных лиц в стенах уже ставшего опасным дома, я по-настоящему счастлив и рад. Я не выпускаю новобранца из-под своего присмотра, но единственное, на что он, кажется, способен в плане опасности – поджарить свой завтрак, спеша на очередную вылазку. Ну скажите мне, зачем нам повар? Специально же для этого работает с нами.

Я хмурюсь, когда вижу его в своём поле зрения, но стараюсь сделать вид, что рад его видеть. Он держится просто профессионально: на собраниях выкладывает всё по делу, рисует на карте местности все ловушки и всех часовых. Рассказывает потайные ходы его дома и, кажется, сам приглядывается к нашему. Меня это настораживает, я постоянно наблюдаю за ним, но он уже сдал большую часть своей прошлой семьи.

Его прошлая семья имеет влияние. Очень большое. Больше нашего в несколько раз. Меня это не радует, ведь я знаю их. Мы почти всегда нарываемся друг на друга, и не раз наши солдаты возвращались ранеными. В такие моменты я испытываю лишь ненависть, и узнав, кто этот парень, я стал ещё больше приглядываться к нему.

У парня погоняло Клевер. И я не знаю, за что оно ему досталось. Он энергичен, нашёл общий язык со всеми и, рассказывая всё больше и больше информации, постоянно сдаёт свою прошлую семью. И с каждым разом я всё больше задаюсь вопросом: как он выжил? Кто его оставил в живых? Никакая семья не отпустит такого человека: либо убьёт, либо будет держать его на коротком поводке.

– Кем ты был?

– Шпионом. Был всегда рядом с боссом, – отвечает тот, задрав нос на одном из собраний. Теперь понятно, откуда он знает такую информацию.

Бывший шпион семьи. Который выжил неизвестно как. Это наводит меня на кучу мыслей, от которых не так-то просто отказаться.

Но Клевер продолжает сдавать свою бывшую семью. Рассказал нам даже о своих знакомых, с которыми имел более близкий контакт и просил не убивать их. Этого я не могу обещать. Как всё пойдёт, там и видно будет.

Признаюсь честно, я расслабился. Я стал ему доверять, и это, можно так сказать, было моей ошибкой. Я просто перестал так следить за ним, чтобы подозревать его в чём-то. Я стал заниматься своими делами, как и раньше, и даже думать забыл о Клевере. Но Фубар пообещал следить за ним, он, видимо, не до конца принял информацию о моём спокойствии.

Дом на некоторое время стал спокойным местом. Я не чувствовал той сильной тревоги, которая была раньше. Но я не отрицаю того, что она была. Может, где-то в глубине души, наученный непростым опытом, я ждал подвоха. Если честно, подобное всегда было в моей жизни, и можно сказать, что сейчас всё вернулось на круги своя. Я стал чувствовать себя более спокойным и погрузился в бумаги, не забывая о работе в доме. Клевер стал частью семьи. Он оставался солдатом, но было видно – он прижился среди наших. И у него, чёрт возьми, была даже зажигалка с собой на крайний случай.

Со временем мы всё больше и больше узнавали о прошлой семье Клевера. Он охотно делился информацией на каждом собрании, выдавая все карты противника на ура. Меня не могла не радовать такая преданность нам, но это и настораживало тоже, но не так сильно, как раньше. Лёгкое недоверие осталось, но без этого наша жизнь – не жизнь. Фубар рассказывал, как Клевер на всех вылазках ловко пролазит в любые щели, открывая новые и новые ходы,

уводя всех окольными путями, чтобы не попасться на глаза охранникам и часовым. Фубара это радовало, он каждый вечер докладывал мне о прошедших вылазках в моём кабинете, как только приводил себя в порядок. Я видел, что всем отрядам нравится такое. Они приходили и уходили взбудораженные, да и Фубар подчёркивал их резвость на самих вылазках. Я только улыбался от этого, вроде взрослые люди, а уже нашли себе развлечение. Фубар тоже, кстати, среди этих весельчаков.

Последние дни наши держались только на кофе и энергетиках, а некоторые даже и на сигаретах. Они не хотели отходить от своих постов, и меня это немного пугало. Я мог бы им запретить делать вылазки некоторое время, чтобы они отоспались, отдохнули, но, когда я появлялся на лестнице между этажами, их в коридоре уже и след простыл, а машины во дворе давали по газам. Я понимал их стремления, но и беспокоился: они долго так не выдержат. Как они могут?

Такая резвость во всех делах ещё больше пробуждала во мне настороженность в своих действиях. Клевер вёл себя как раньше, но Фубар признавал, что на вылазках он стал куда более резвым, и за несколько часов они проходили куда больше, чем обычно. Прошла только неделя, они такими темпами выйдут из строя. Как они этого не понимают?!

Я хватаю в своём кабинете бутылку, достаю стакан и, наполняя его почти до краёв, устало опускаюсь в кресло. Да и чем я лучше их? Такой же, не сплю последнее время, всё больше и больше погружаюсь в дело, надо уже придумывать план нападения. Но когда нам это делать, если почти все капореджиме и солдаты заняты и почти не бывают дома? Наш советник лишь пожимает плечами, опускает свою тонкую руку мне на плечо и, обещая поговорить со всеми, хоть это не входит в её обязанности, уходит по своим делам. Мне мало что стоило рывкнуть на них, оставить в доме, но... Когда в последний раз они были так счастливы, как сейчас? Да, в последнее время мы не так часто бегаем по лесу на чужих территориях, открываем замки потайных дверей, но...

В спортзале они тоже перестали появляться. Если раньше каждый день они тренировались, то сейчас среди серых стен и матов блуждает лишь ветер. И я, когда я хочу выпустить пар на грушу.

Они точно потеряют снаровку. Не сейчас, а потом. Они стали такими беззаботными.

– Фубар!

Я стукаю кулаком по столу, откатываясь в кресле назад и подрываясь с места, когда капо входит ко мне в кабинет спустя два дня. Их не было два дня! Я зол на них, да и на себя – пора уже взять себя в руки, пригрозить им и отправить на отдых. Какой из меня босс?

– Как ты так можешь? Вы когда последний раз отдыхали?

Под счастливыми глазами мешки. Мне больно смотреть на них. Я стараюсь беречь свою семью.

– Но Одис, подожди... – Он выставил вперёд ладони, подходя к креслу и облокачиваясь на спинку. Я скрещиваю руки на груди и смотрю на него.

– Никаких «но»! Я сказал: быстро собирай свою команду, и идите отоспитесь! – Я киваю в сторону выхода, сжимая пальцы своих рук до белизны на костяшках. – Ты не можешь мне перечить! Я сказал – ты выполняешь! И передай это всем остальным: чтобы я вас не видел в коридоре до конца недели!

Зло. Жестоко. Но так надо. Ради их же блага. Я не потерплю такого.

– Одис? – Фубар видит, как я дрожащими руками достаю из стола пачку сигарет и ищу зажигалку по карманам.

– Иди уже! – рыкаю я, отворачиваясь от него, сминая зубами фильтр. – Чтобы не видел тебя с этими мешками.

Я не слышу, как он уходит, но когда оборачиваюсь, его уже нет. Дверь осталась приоткрытой, и, сломав сигарету зубами, я успокаиваю себя. Так надо, это ради их же блага. Это

моя семья, я в ответе за них, я же босс. Они должны отоспаться, а то на очередной вылазке свалятся в кусты, и никакой Клевер не поможет.

Я скривил губы, чувствуя на них мятую сигарету. Достая новую и, распахивая окно, поджигаю её нашедшейся под бумагами красной зажигалкой. Она вроде Клевера.

В последующие дни в доме было тихо, в коридоре пусто, но я точно знаю: ни одна команда не вышла за эту дверь. У всех в комнатах была экипировка и одежда, чтобы не задерживать никого в коридоре и сразу выбежать, если что случится. Я опираюсь о перила лестницы, оглядывая одновременно два этажа. Наконец-то есть спокойствие, солдатам ничего не будет, они сейчас отдохнут, а потом мы уже станем разрабатывать правильный план для осуществления задумки. Это будет сложный этап, но мы справимся. Не раз уже обвалы делали.

В последнее время я задыхался от ощущения, будто что-то должно произойти, и иногда даже не мог сосредоточиться на работе, напрягаясь и выжидая чего-то. Такое ощущение у меня который день, и, если честно, это меня пугает. Такое было раньше, но это было настолько давно, что я уже не помню последствия. Но смутные воспоминания о том, что я лишился половины семьи, до сих пор преследовали меня в редких кошмарах.

Я делаю последний глоток кофе и, начиная спускаться по лестнице к кухне на первом этаже, не вижу ничего подозрительного вокруг себя. Мало ли что может случиться, и меня беспокоит только то, что я, пожалуй, единственный, кто в относительно бодром состоянии. Я держу у себя в голове мысль, что пистолет находится у меня под футболкой, да и по всему дому есть потайные места на крайний случай. Прорвусь, я же не просто так стал боссом.

Настораживает только одно. Что моих людей перебьют, как кошек. Это возможно. Мы многое сделали, и на нас имеются тысячи заточенных зубов, которые только и ждут момента, когда мы оступимся.

Я отдаю кружку заботливому повару и, отказываясь от еды, спешу к себе в кабинет. У меня не так много бумаг, чтобы бросить всё сейчас и отдохнуть. Доделаю все дела – и тогда точно смогу взять минутный перерыв. Почитаю, поиграю в игры, но точно не усну. С такими натянутыми нервами сделать это никак не получится.

В обоих домах такая звенящая тишина, что я даже слышу редких птиц через открытые окна. Я спешу по длинному коридору второго этажа, заворачивая в дополнительные секции, и, когда наконец дохожу до своего кабинета, чуть перевозжу дух. От ощущения неизбежности атаки становится немного не по себе, и находиться даже в собственном доме порой до абсурда страшно. Да и не по себе. Но бросить нельзя – встречать беду, так вместе.

Мой стол завален кучами бумаг, и пора бы там прибраться. Я нахожу зажигалку среди белых листов и, убирая её в карман с мыслями о том, что надо вернуть её Клеверу, начинаю собирать бумаги в кучу. Только сейчас понял, как мне было сложно работать среди них, постоянно теряя нужные бумаги и просто находясь в этой огромной куче. Я перевозжу дух.

– Босс!

Я не успеваю обернуться, как слышу давно ставший привычным звук выстрела. Плечо обжигает огнём, и, выронив из рук бумагу, я смотрю на то, как пуля оказывается в нескольких метрах от меня. Я не трогаю плечо, понимаю: будет хуже, если я сделаю это. Целились явно не в меня. Я оборачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с Клевером.

Дуло пистолета утыкается мне в висок, я чувствую холод металла и, не испытывая никакого страха, смотрю в его глаза, в которых пляшут бесенята. Я реагирую сразу, оточенными до автоматизма движениями, быстро и коротко: крепко хватаю руку с пистолетом до хруста своих же костяшек и, нанося ему быстрый удар в область груди, даю себе отсрочку на некоторое время. Клевер был непробиваем, но от неожиданного удара не смог уйти. Я выбиваю из его рук пистолет и, когда тот уже подаётся вперёд, с размаху прикладываю ему по рёбрам, уходя вниз.

Пистолет отлетает в сторону, и, выхватив свой, я оказываюсь позади Клевера, всё ещё находясь в недоумении, что смог на некоторое время обезоружить его. В голове мысли, что это мне так кажется на первый взгляд и что он способен на многое.

Я целюсь в него и жду, пока тот встанет с колен.

– Тебя точно не выгнали, – произношу я, спуская курок чуть правее от Клевера, зная, что он попытается уйти в ту сторону.

Я в него не попадаю, он ловко уходит из-под прицела влево, оказываясь подо мной, тут же в попытке сбить с ног. Я опираюсь о стену, снова стреляя в его сторону. Плечо продолжает жечь от резких движений, и, вспоминая, что именно этой рукой нанёс удар, я лишь плотнее сжимаю зубы. Я стреляю ещё несколько раз, совсем рядом с Клевером, задевая его и привлекая внимание. Я попал ему в руку и в ногу, когда тот отскакивал за своим оружием. Сразу же стреляю в пол рядом с пистолетом и, видя, как тот замирает, навожу прицел на голову противника.

Так хочется покончить с ним быстрее.

– Не так быстро, босс, – говорит он хрипло, хватая пистолет и ныряя под мой стол.

Я не жалею пуль: покрываю ими весь стол, наплевав на важные бумаги. Их можно восстановить, но шпиона, который, кажется, сыграл против своих же, сейчас не жалко.

Я быстро скрываюсь за шкафом, переводя дух. По вискам течёт пот, а сердце колотится в груди. Я прижал пистолет ближе к груди и, вслушиваясь в звуки, выжидал.

– Меня не так просто убить! – слышу я голос парня и пару слепых выстрелов. Они попадают в стену возле двери, где я стоял до этого. На секунду стало тихо. – Если ты дорожишь жизнью своей семьи, то дай я просто убью тебя.

Я кусаю губы, выскакиваю из укрытия, замечая метнувшуюся под столешницу тёмную макушку. Я успеваю сделать выстрел, пока ногу не обжигает холодом. Я резко распахиваю дверцу шкафа и, находясь на пару сантиметров ближе к врагу, перевожу дух.

– Не сдамся я, – отвечаю ему, ощущая, что пуля оставила во мне глубокую рану.

По ноге потекла кровь, и шевелить ногой я больше не мог. Каждое движение отдаётся взрывами боли перед глазами. Футболка на плече прилипла к телу, и, сжав зубы крепче, я отрываю ткань, нащупывая рану. Её почти нет, но кровь идёт. В самом начале не целились в меня, лишь хотели припугнуть и предупредить.

– Ты до сих пор работаешь на него?

– Я всегда работал.

Я оглядываюсь на открытый шкаф в поисках того, чем можно задержать идущую кровь. Но как назло ничего, кроме бумаг, нет. Над моей головой просвистела пуля. Да где же моя бригада?

– А ты сейчас перестанешь. Я тебе это обещаю.

– Что ты сделал с бригадой?

Мой голос хрипит от боли, когда я двигаю раненую ногу ближе и, разрывая ткань джинсов, делаю себе жгут. Отрываю ещё кусок и на всякий случай заматываю рану. И не через такое проходили. Выживу. Доберусь до коридора.

– Они просто спят. – Я слышу насмешку в его голосе. – Вечным сном.

В коридоре нет ни звука, но я всё равно жду топота или хотя бы звона чего-то. Я надеюсь, что его слова неправда, потому что, зная схему всех семей города, я привожу мысли в порядок. Мы все сначала обезоруживаем человека моральным давлением. Никто не придёт на помощь, все мертвы. Нет, это не так. Со мной это точно не работает.

Я встаю с пола, сильнее кусая губы от боли, используя как опору дверцу и полки шкафа. Дожили. Босс не может справиться с мелкой шпаной.

Я выскакиваю из укрытия и слышу в коридоре звон стекла, кучу выстрелов и как хлопают двери этажей. Я сглатываю, подходя ближе к столу. Я двигаюсь аккуратно и тихо, стараясь не шуршать разбросанными листами, но моя нога отзывается болью и у меня почти не полу-

чается это сделать. Я целюсь в угол стола, обхожу его и, не найдя никого, остаюсь настороже, оглядываясь. Где же он? Клевер выскакивает по другую сторону, целясь в меня. Я делаю шаги назад, но упираюсь в кресло.

– Время идёт. – Он кивнул на дверь, медленно отступая.

Я спускаю курок, слышу выстрел и, чувствуя острую боль в ноге, падаю в кресло. Парень не может больше. Он продолжает стоять на своём месте, но я точно знаю: никакого шага он уже не сделает. Его тело падает на пол, и я с громким вздохом срываюсь в бег, преодолевая расстояние до двери, несмотря на боль, и, уже вылетая в коридор, продолжаю слышать выстрелы и звон стекла. Опираюсь плечом об холодную стену и двигаюсь дальше, держа пистолет, готовый к стрельбе.

Судя по звукам, основные действия разворачиваются на первом этаже, но и на втором я слышу выстрелы. Моя рация всегда при мне, скрыта на поясе джинсов под тканью футболки. Но я не слышу никаких звуков из неё, будто бы никто из наших и вправду не выжил. Я мотаю головой, сцепляю зубы и продолжаю двигаться дальше.

В этой части коридора ничего не тронута, всё на своих местах. Стёкла не выбиты, двери стоят целые. Чем ближе я подхожу к основному коридору, тем больше понимаю, что наши живы. Только не переговариваются. На наш дом уже нападали, и, видимо, они держат оборону по плану. Но где же команда солдат, которые должны встречать меня?

– Босс! – Меня дёргают за руку, и я, шипя от боли, выворачиваюсь из рук, припадая спиной к стене. – У вас кровь. Позвольте мне осмотреть...

– Не сейчас! – Я отталкиваю руки солдата от себя, смотрю на него через маску. – Быстро вниз! Держим оборону, я в норме! Быстро! Быстро!

Они, не сговариваясь, поднимают свои автоматы и, выбегая из-за угла, скрываются за выбитой дверью. Здесь уже самое веселье. Я выглядываю из-за угла и вижу как минимум троих солдат из нашей семьи, скрывающихся за выбитыми дверями и стреляющих. Я быстро пытаюсь перебраться к ним, отстреливаясь и скрываясь за обломками.

Лестница усеяна ими полностью. Осколки стекла, люстр, дверей. Всё смешалось. Кое-где даже валяется земля из горшков с цветами. Я прячусь за сорванной с косяка дверью, образовавшей небольшое укрытие.

– Сколько?

– Не знаем точно, но, возможно, целая шайка, – говорит один тихо. Я выглядываю из-за укрытия осторожно, оценивая обстановку. – Они оккупировали первый этаж. Потихоньку пробираются к нам, как и мы к ним. У них много полегло.

И вправду на полу валяются тела, я насчитал около пяти, но, видимо, их намного больше.

– А где?..

Один из солдат вскидывает руку.

– Босс, вам лучше уехать, – твёрдо говорит он.

Я понимаю, что он прав. Это входит в наш план спасения, когда на дом нападут. Я знаю это, но мотаю головой.

– Босс, простите, но сейчас решаем всё мы.

Я снова сцепляю зубы. Солдат опускает руку мне на плечо, и я дёргаю им, уже почти не чувствуя боли. Я смотрю в пол и думаю. Я должен уйти, должен! Но я не могу бросить их здесь.

– Пойдёмте, вы обязаны. Машина уже стоит, ждёт.

– Стойте, а где же?..

Мне не дают договорить. Натягивают на голову шлем и, толкая в ту сторону, откуда я пришёл, заставляют подчиниться. В этой ситуации не я выбираю. Я вздыхаю и, опираясь руками о пол, начинаю тихонько передвигаться вслед за парой солдат.

– Вас отвезут в безопасное место, как и обсуждали на тренировках, да и как действовали в тот раз.

Выстрелы не прекращаются за моей спиной. Прогремел самый первый взрыв, и дом немного шатнуло. Я слышу треск пламени на нижнем этаже и как с нашей стороны стрелки прибавили свои силы. Я оглянулся, но никого уже не нашёл. Они все продвинулись вперёд.

– Вам не о чем беспокоиться. Мы вытесняем их.

Мы идём чётко отработанным строем из четырёх человек: один солдат впереди меня, я за ним, за спиной ещё пара. Всё моё тело натянулась как струна, и я пытаюсь ступать осторожно, меньше всего полагаясь на пострадавшую ногу. Боль от пулевого ранения заставляет всё перед глазами двоиться, и я неосознанно прижимаюсь плечом к стене, идя за пятном перед собой. Я должен сказать, что я в опасности, но что-то внутри меня заставляет молчать.

Впереди меня идёт капореджиме. Нет, не Фубар. Все мои мысли резко вернулись к нему. Он там? В бою? Но где же? Я не мог заметить его. Неужели он был там, внизу, в самом пекле?

– А где Фубар? – произношу я, после чего сцепляю зубы.

Мы спускаемся вниз по задней лестнице, ведущей сразу же к чёрному выходу. Солдат позади меня встрепенулся, побежал вперёд своего главного и начал спускаться первым. От открытой двери веяло прохладой и темнотой, потому что ламп там не было и приходилось спускаться на ощупь.

– Я не видел его, – честно признаётся капо.

И я узнаю в нём Панка. Хитрый голос, и, насколько я помню, попал в нашу семью после бандитских дней. Я раньше не слышал о его похождениях, но его собственные рассказы заставляли меня хмыкать. Парень был весел даже тогда. Сейчас же, когда он работал на меня, всё его веселье сняло как рукой, но он оставался сумасшедшим.

– Я не могу утверждать. Но он может вести за собой солдат на первом этаже или находиться во дворе: там тоже обстрел.

– Да, те, кто на нас напал, явно имели информацию о плане дома.

– Это Клевер! – Я стал спускаться по ступеням в полутьму выхода, негодуя от злости. – Но он валяется трупом в моём кабинете, вряд ли всё дальше пойдёт по их плану.

А на душе было беспокойно. Фубар там, один, в засаде. Я беспокоюсь о нём больше.

– Босс, надо быстрее идти, вас уже ждут внизу. – И меня подхватил на руки идущий позади Панк. – Вы идёте слишком медленно, и это опасно для вашей жизни. Поранились. Ничего, вас обработает наш медик.

Я не мог ничего сказать: в голове всё плыло, и я даже был невероятно рад, что не мог больше идти. Это было настолько больно, но прошедшие годы заставили меня терпеть и идти дальше.

Сейчас же, слушая краем уха разговоры моих солдат, я понимал: я вот-вот отключусь.

Нас пошатнуло в тот момент, когда я услышал хлопок автомобильной двери, и мою ногу обожгло чем-то. Я не мог открыть глаза, но я слышал крики моих людей, сидящих в машине. Потом скрип колёс по дороге. И мы набрали скорость.

Что было дальше, я не знал. И вряд ли узнаю.

Потому что наш дом вместе со всеми солдатами взорвали. И, можно сказать, в этот момент мы проиграли.



## Последний вздох

Мы лишь живём, погрязшие в грязи тех мест, которые в сердца впились. Мы давно живём на грани, приняв иллюзию за реальность.

Быть может, нам пора вдохнуть давно манящую свободу? И устами вкусить столь манящую свободу?

Быть может, нам давно пора привыкнуть и пережить минувшие моменты тягостных раздумий, иль нам пора покончить с этим раз и навсегда?

Тянулись долго тягостные дни, когда нас время не щадило. Мы пылью покрывались золотой, веками мы лежали под землёй. И всё, что мы постигли, так это вроде ничего. Живём мы день за днём лишь для того, чтобы достигнуть манящий всех Элизиум. Иль, может, живём мы для того, чтобы издать томимый слепой надеждой вздох последний, печальный и тяжёлый? Живём мы для того, чтобы закрыть глаза в блестящих стенах иль в жестяном гробу из слёз страдания и пепла давно минувших дней?

Мы далеки от совершенства, но нет людей идеальных, тех, кто жизнь минувшую прожил не зря.

Живём мы для чего? Чтобы познать страдания и муки? Иль чтобы в грёзах бесконечных свою мечту узреть?

Жизнь губит новые таланты, раскрытые за гранью иллюзиониста. Их всех гнобят, запугивать пытаются. Но им неведомо то чувство, когда энергия творения за рамки моря грёз выходит. И им неведомо то чувство, когда, зажав перо в руке, творишь симфонию надежды из грёз, постигших наяву.

Живём ли мы для тех людей, кто не видит в нас талант? Быть может, нити резать нам пора, пока не скажут «нет» иллюзиям обмана?

Последний вздох томим печалью, и во взорах глубина тумана. Давно постигшие мечты из грёз рассыпались мольбой о том, чтоб жизнь дала последний шанс. И мысли в пепел обратились. Давно пора нам уходить.

Быть может, живём мы для того, чтобы вкусить те сладостные моменты, когда цветок энергии расцветёт?

Быть может, дано нам жизнь вдохнуть, расправить крылья и взлететь туда, где мир из грёз рассыпался до дна и вновь собрался воедино?

Быть может, мы живём лишь для того, чтоб след в истории оставить? Ведь не просто так мы были рождены!

Но песен нет, чтоб испытать тот сладкий вкус надежды, что до конца держался в мыслях. Картины маслом нет для нас, и нам давно такое не под силу, чтоб жизнь раскрасить в яркие тона и испытать её на шкуре труса.

Зачем нам жить, раз всё равно умрём? Таланты с нами навсегда исчезнут. Но в памяти останемся навек.

Быть может, кто-нибудь ответит мне?

Скажите мне, что мы не зря живём, достигнув утомлённого печального вздоха последнего.

Закрой свой взор, томимый слепую надеждой и осыпанный осколками прошедших дней. Освободи свой дух, задушенный ядовитой пеленой злорадства, горечи и злости. Ты пальцы от огня мучений и отваги подавно убери. Ожоги мудрости тебе по жизни не нужны.

Зачем же быть томимой в клетке птицей, когда вокруг немало сладостных мгновений? Зачем наукам ты жизнь свою подаришь?

Как жаль, что пламя в сердце потушат с первой же секунды пребывания на воле. Ведь знаешь же, что каждый хочет насолить.

Ты можешь и уйти от нас, подав нам напоследок радость.

## Из Англии в Калифорнию

В первый раз она танцевала в мешковатых штанах и свободной футболке, и её движения выходили до такой степени грациозными, что небрежный, постоянно рассыпающийся пучок под затылком не показался нелепым. Марко сидел на заднем ряду кресел, а она была единственной блондинкой в группе. Она стеснительно занимала своё место на сцене, в третьем ряду за учителем. На ней были белоснежные кроссовки, и она легко перескакивала с ноги на ногу, повторяла все движения, но не смотрела ни на кого. Крутилась вокруг своей оси и уже смело поднимала руки к потолку с белыми лампами.

Стар Баттери.

Её пучок снова распустился, и слабая резинка упала на пол. Новая ученица средней школы, новая участница школьного театра.

В будущем актриса.

Марко не сводит с неё взгляда. Девчонка подбирает с пола резинку, охватывает волосы кругом из пальцев и, прыгая с носка на носок, запоздало разводит руки в стороны. Потом снова затягивает не слишком тугой узел резинки на волосах и продолжает репетировать.

Несколько недель на репетицию. К началу ноября всё должно быть завершено. В начальных числах следующего месяца должны будут выступать перед всей школой. Марко точно помнит дату – седьмое ноября.

Кто-то говорит, что Стар Баттери из Флориды. Кто-то – из Англии. Ученица по обмену перевелась к ним под конец сентября, и тогда небольшой район Окленда уже через пару дней знал о ней. Марко не знал о ней ничего, но думал, что она из Англии.

«Стар Баттери не может быть из Флориды. Её кожа слишком бледна для этого штата. В Англии она бы хорошо вписалась в поток жителей, вы её видели вообще? Я один чувствую в ней некую аристократичность?»

Марко пишет прямо в зале, положив блокнот на своё колено. Мысли обрывочны, а почерк скачущий.

«Она точно из Англии».

И это даже не глупо. Разгадывать прошлое человека – словно азартная игра, остановиться не получается, да и мисс Баттери не собирается делиться со всеми информацией о себе.

Словно Алиса из Страны Чудес, Стар оказалась в центре Окленда совершенно случайно: побежала за желанием родителей и упала в кресло самолёта. А мимо неё – облака и нередкое кристально-чистое небо. Правда, в конце всех сказок Алиса брала жизнь в свои руки.

У Стар острые локти, пронзительный взгляд, и Марко улавливает в ней силу. Она невысокого роста, и ей, наверное, уже четырнадцать. Она сидит на сцене, перевязывает шнурки кроссовок, а учитель по-прежнему говорит:

– Завтра к шести, репетиции пока каждый день, по пятницам прогоняем всё от начала.

Он хлопает в ладоши, и хлопок разносится по залу. Стар покидает сцену первая, распустившая блондинистые волосы. Уходит за кулисы, чтобы забрать вещи.

«Стар Баттери умеет необыкновенно танцевать. Её движения плавны, и по сцене она передвигается быстро, почти не касается ногами пола. Кажется, что она летает, словно бабочка. Видимо, в старой школе она посещала балет».

Стар Баттери исправно ходит на все репетиции, и с каждым днём её шаги по сцене всё лучше и лучше. Её движения по-прежнему завораживают, и Марко вновь и вновь приходит на все репетиции в шесть и сидит на заднем ряду красных бархатных кресел. По вечерам Марко обновляет свой документ; до сдачи материала остаётся совсем немного, и его колонка в этом выпуске будет посвящена будущему мероприятию в школе. И Стар Баттери.

После репетиции Стар выходит из зала в нежном платье, стучит каблуками сапог по лестнице крыльца, и тогда Марко удаётся её настигнуть. Он чуть касается её локтя и тихо спрашивает:

– Выпьёшь со мной чашечку кофе с мороженым?

И Баттерфляй несмело кивает.

– Я люблю глясе, – улыбается он, когда ворота школы оказываются за спиной.

– Мне больше нравится мороженое, кофе успеваешь остыть. – Марко поправляет сумку на плече, пиная камни с дороги. – Марко Крус.

– Стар Баттери.

В следующую пятницу Стар не появляется на сцене долгое время. Перед ней сменяются действия пьесы – ребята замечательно играют свои роли, танцуют и поют. Но Баттери так и не появляется на сцене. Уже объявлен второй акт и пятиминутный перерыв, а тем временем Марко перерывает свою сумку.

«Выступать на сцене без преувеличения тяжело. Выступить перед публикой ещё сложнее. Выдержку не каждый сможет проявить, и гораздо труднее подавить в себе эмоции. Актёры школьной пьесы замечательно показывают себя на репетициях, и хочется отдать им должное – ни разу не ошиблись. На репетиции всё повторяется, и уже сегодня, спустя неделю от начала репетиций, ребята отточили свои навыки и почти без запинки прокатывают номер на мини-финале в конце недели».

Стар Баттери ждёт начала ноября. И появляется на сцене во второй части, в тех же штанах и футболке. Марко старается дописать свою часть работы, сроки его поджимают, но всегда находятся новые и новые слова.

– Ты печатаешься в школьной газете? – Стар собирает мороженое с уголка губ языком, мешая трубочкой в стакане. Марко рассказал ей, что пишет статью о школьной постановке. – Это очень интересно, принесёшь мне один экземпляр?

И тогда Марко спрашивает: каково быть актёром? И Стар незамедлительно отвечает: волшебю.

И вправду волшебю. Марк по-прежнему смотрит на танцующую на сцене Баттери, и ему кажется, что со статьёй покончено.

В начале ноября в школе ставится пьеса, придуманная учителем танцев. И Марко стал первым невольным зрителем постановки до её показа.

Следующая пятница наступает не вовремя, словно она оттеснила предыдущие дни. Для Марко несколько суток сбились в ком, и будто бы прошёл один день, но если вчера была пятница, двенадцатое, то почему сегодня, в субботу, тринадцатого октября, материал не при парне? Он роется в сумке, выкладывает все учебники на рядом стоящее кресло, но на часах упорно сменяется половина седьмого на сорок минут, а по календарю сегодня девятнадцатое число. И вновь пятница.

Марко сдал весь материал ещё во вторник, три дня назад, но ему кажется, что в свою статью он должен внести правки, потому что каждая репетиция придаёт больше и больше вдохновения. Сегодня Стар появляется на сцене ближе к половине девятого, и на ней лёгкое белое платье, а на ногах туфли. Последнюю группу, группу популярных танцев, решили прогнать в самом конце, и это длилось недолго.

– В следующий раз ты должна попробовать выйти на главную роль, – говорит как-то раз Марко, после очередной репетиции. – На танцах ты, кажется, не раскрываешься полностью.

Стар пожимает плечами, держа в руках верёвочки от мешка. В нём те самые белые туфельки, в которых она танцевала сегодня на сцене. И это было красиво, полы её платья так и летали, словно крылья, а Стар будто бы и вправду была бабочкой.

– Дату передвинули. – Стар улыбается. – Мы выступаем прямо перед каникулами.

Марко прикусывает язык. Но ему всё равно кажется, что Стар надо играть главные роли, хоть он и не продолжает эту тему.

Стар Баттери и вправду бабочка. Только в коконе, и её крылья не могут вырасти на задних рядах.

## Криминальная Франция

### Слэш

Переезд в Лондон на новое дело совершенно не радовал Эллиота Клейтона. А встреча с новым детективом, которого отправили вместе с ними на новое расследование, не являлась лучшей перспективой для дальнейшего времяпровождения в другой стране. В последнее время Эллиот слышал об этом детективе абсолютно всё: от того, что он настолько хорош в своём деле, что смог раскрыть один инцидент с убийством женщины в её собственной квартире за пару часов, и до того, что он легко справится с новым делом.

И пусть это дело связано с британским правительством.

Эллиот, вскрывая очередную банку энергетика в своём новом офисе, думал о том, как бы ему не пересечься с новым детективом во время их нового полицейского марафона в Великобритании. Он надеялся, что услуги хакера в этом деле не будут нужны, но его, как и всю лабораторию, почему-то заставили собраться в одной точке мира. Странно, что к этому делу прикрепили ещё и Марину Романову – психолога из России. Насколько серьёзный масштаб работы Эллиот видел лишь однажды. И то это было настолько давно, что он и не помнит подробностей этого расследования.

Единственное, что довелось слышать Клейтону до своего отъезда из бюро, что это дело чрезвычайной важности и что тут замешано абсолютно всё. Они думают, что после убийства британского принца последуют более серьёзные атаки на мир и что им придётся расследовать запутанное дело, связанное с каким-то культом.

Это было даже смешно для Эллиота. И такая информация хоть немного помогала понять, почему их всех собрали в одном месте. Одно радовало: со всеми он уже был знаком, и новое лицо – неизвестный детектив, которого поставили на это дело после недавнего дебюта. Клейтон совершенно не знал, что ему ожидать от него, поэтому просто решил подождать. И общаться с уже известными ему людьми, надеясь, что и пересекаться с Джеком Арчером он будет так же, как и с новым детективом.

То есть вообще никак. Потому что Джек бесил его больше всех. Был истеричкой, бросал всё на месте преступления и, вместо того чтобы продолжить допрашивать подозреваемого, плевал на него и возвращался в бюро. Если бы не Джек, то многие дела они, наверное, раскрыли бы ещё быстрее.

Но Клейтон точно не знал. Может, это такая детективная фишка – растягивать дела настолько, что уже невозможно их терпеть?

Вот и Джек растянул в его жизни так, что терпеть его уже невозможно.

Эллиот смял банку энергетика в своих руках и, выкинув её в ведро для бумаги под столом, продолжал дожидаться того часа, когда их дело сдвинется с мёртвой точки. Потому что большей информации никто из всех собравшихся не знал, и они могли только догадываться. Единственное, что они знали, так это то, что убили внука Её Величества, и сейчас Джек, наверное, находится на месте преступления, раз в лаборатории его пока не видели.

В какой-то степени Клейтону было лучше от того, что Джека пока не предвидится в его жизни, но и одновременно просто без дела сидеть в Лондоне ему не хотелось. Но, работая в какой-то степени в бюро безопасности, ему приходилось следовать каждому их слову.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.